

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-74-22-34>

УДК 304.2

ББК 71.4(2)

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. М.Я. Яхьяев
г. Махачкала, Россия

© 2024 г. А.Ф. Поломошнов
п. Персиановский, Россия

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация: В статье анализируются проблемы теоретической реконструкции современного социокультурного типа на основе методологии эмпиризма. Методология эмпиризма основана на исследованиях современной культурно-антропологической самобытности россиян средствами социологических исследований, а общая логика метода социологической реконструкции — это логика эмпирического индуктивного обобщения. Выделены пять групп принципиальных проблем этой методологии: реальности исследуемого объекта, динамики исследуемого объекта, эффективных средств и методик исследования реальной культурно-антропологической самобытности россиян, соотношения массовых представлений (стереотипов) и реальных качеств российского культурно-антропологического типа, технические проблемы социологических опросов. На примере опыта исследования портрета советского человека группой Ю. Левады демонстрируется, что принципиальные ограничения эмпирической методологии исследования культурно-антропологической самобытности россиян непреодолимы в рамках методологии эмпиризма. В связи с ограничениями методологии эмпиризма предлагается дополнение ее общей концептуальной моделью национальной культурно-антропологической идентичности, основанной на принципах системности, конкретности, детерминизма. Обосновано, что эмпирическая методология имеет дело не с непосредственным предметом исследования — национальной культурно-антропологической самобытностью, а с массовыми представлениями респондентов об этой самобытности. В итоге эмпирическая методология дает не объективный целостный портрет национального культурно-антропологического типа, а лишь его социологический автопортрет. Выдвинуто предположение о том, что возможно, более эффективным при исследовании российской культурно-антропологической идентичности мог бы стать другой эмпирический подход, основанный не на социологических опросах, а на методах эмпирического наблюдения за поведением некоторых типичных представителей современного российского общества.

Ключевые слова: культурно-антропологическая идентичность, национальный характер, социокультурный тип личности, советский человек, российский культурно-антропологический тип, национальные стереотипы.

Информация об авторах:

Мухтар Яхьяевич Яхьяев — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социально-политических наук, Дагестанский государственный университет, ул. М. Гаджиева, д. 43А, 367000, г. Махачкала, Респ. Дагестан, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2243-7222>

E-mail: muchtar59@mail.ru

Андрей Федорович Поломошнов — доктор философских наук, профессор кафедры экономики, философии и социальных дисциплин, Донской государственный аграрный университет, ул. Кривошлыкова, д. 24, 346493 пос. Персиановский, Октябрьский р-н, Ростовская обл., Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1122>

E-mail: pafl@mail.ru

Дата поступления статьи: 21.02.2023

Дата одобрения рецензентами: 30.05.2023

Дата публикации: 29.12.2024

Для цитирования: Яхьяев М.Я., Поломошнов А.Ф. Проблемы исследования российской культурно-антропологической идентичности // Вестник славянских культур. 2024. Т. 74. С. 22–34. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-74-22-34>

Введение

Культурно-антропологическая идентичность современного российского общества, находящегося в состоянии перманентных и противоречивых трансформаций, представляет не только абстрактно-теоретический, но и практический интерес, так как от ее качества и динамики зависит будущее российской цивилизации. Не случайно исследователями признается тесная связь различных видов социальной идентичности с социальным капиталом личности и общества [15, с. 66]. Существует также тесная связь между социокультурной идентичностью и поведенческими волевыми качествами личности, определяющими адаптацию личности к существующему обществу. Исследуя эту связь на примере этнической идентичности, В.Н. Шляпников установил, что «...позитивное принятие человеком своей этнической принадлежности, как части идентичности, может становиться важным фактором волевого самоконтроля» [17, с. 89].

Каковы же они — наши современные идеалы, каков портрет современного россиянина? Есть ли он? Кого наше общество формирует и воспитывает? Кто он современный средний россиянин? Чем он отличается от прежнего типа — советского человека? Является ли он неким переходным типом, и если да, то к какому итоговому образцу или ориентиру? Насколько завершен этот переход? Сохранилась ли преемственность с прежним типом или это совершенно новый тип россиянина? Сохранилась ли вообще российская национальная культурно-антропологическая самобытность? Отдельного внимания заслуживает идентичность населения на постсоветском пространстве.

Остается неясным: существует ли еще некое единство на уровне идентичностей, установок, социального капитала у граждан бывшего СССР и в чем оно проявляется? [10, с. 4]

Вместо удовлетворительных ответов на все эти вопросы, мы сталкиваемся с фрагментарными, отличающимися по своим мировоззренческим и методологическим основаниям попытками отображения динамики российского социокультурного типа личности. Очевидная нерешенность проблемы культурно-антропологической идентичности современного россиянина при наличии множества различных оценок ставит перед научным сообществом исследовательскую задачу осмысления сущности современного российского социокультурного типа личности как типа, сформировавшегося на рубеже тысячелетий в социокультурной обстановке, порожденной радикальными рыночными реформами.

Ключевую роль при реконструкции культурно-антропологической идентичности современного россиянина играет методология постижения культурно-антропологического портрета современного россиянина. Именно поэтому главная проблема исследования российской культурно-антропологической идентичности состоит в определении эффективной методологии такого исследования. Причем, методология не сводится к набору отдельных исследовательских приемов и технических процедур, но включает в себя конкретизацию предмета и цели концептуальной реконструкции исследуемого предмета.

Эмпиризм в исследовании российской культурно-антропологической идентичности

Методологическое направление эмпиризма предлагает свое специфическое понимание российской культурно-антропологической идентичности россиян, формируемое на основе эмпирических обобщений средствами социологических исследований. И хотя такая социологическая реконструкция идентичности россиян осуществляется на реальной эмпирической базе массовых социологических опросов, определенных процедурах обработки материалов и их интерпретации, она остается исключительным результатом эмпирического индуктивного обобщения. Преувеличение возможностей метода социологической реконструкции, содержащего принципиальные ограничения, не позволяют говорить о теоретической значимости полученной картины российской культурно-антропологической идентичности.

Прежде всего, обратим внимание на принципиальные концептуально-методологические проблемы методологии эмпиризма. Исходной проблемой является проблема определения и ограничения предмета исследования. В предельной форме эта проблема принимает вид вопроса о самой реальности исследуемого предмета. Существует ли реальная культурно-антропологическая самобытность российского типа личности? Д.В. Маслов признает «...возможным использование в научной литературе категории «советский человек» для обозначения особого социального типа» [12, с. 148]. Безусловно, с этим можно согласиться. Однако в таком случае мы сталкиваемся с проблемой исторической динамики культурно-антропологической самобытности россиян, которую трудно отразить методами социологических исследований. Но главное затруднение даже не в этом, а в том, что социологическое исследование динамики российского культурно-антропологического типа предполагает наличие теоретической концепции динамики российского общества и ее периодизации, соотнесенной с динамикой российского типа личности.

В частности, В.В. Радаев предлагает ввести в социологическое исследование российского культурно-антропологического типа поколенческий подход, согласно

которому культурно-антропологические типы россиян разных поколений существенно различны [14, с. 63]. Впрочем, эффективной методологии реализации поколенческого подхода в реальном социологическом исследовании Радаев не предлагает.

Наиболее трудным вопросом методологии эмпиризма является вопрос о создании эффективных средств и методик исследования реальной культурно-антропологической самобытности россиян. В существующих подходах к решению этого вопроса реальная самобытность определяется как «совокупность поведенческих реакций на типичные социальные ситуации» [12, с. 148]. Но, каким социологическим, эмпирическим способом можно изучать эти массовые типичные поведенческие реакции, неизвестно.

В достаточно большом по масштабу социологическом исследовании под руководством Ю. Аллика проведено различие между массовыми стереотипными представлениями о национальном характере и реальными чертами российского культурно-антропологического типа, и установлено, что «представления о национальном характере не отражают зеркально актуально измеренные личностные характеристики...» [1, с. 6, 12].

Значимым ограничением методологии эмпиризма представляют собственно технические проблемы проведения исследования и, прежде всего, слабость или полное отсутствие концептуального видения социокультурного типа личности. Ориентированная под технику социологического опроса эмпирическая методология всегда, явно или неявно, оказывается зависимой от предварительной гипотезы, выстроенной исследователем. В результате эмпирическое индуктивное обобщение данных опроса предстает простой подгонкой выводов под изначальную гипотезу, а не серьезным гипотетико-дедуктивным исследованием. Еще одним недостатком эмпирической методологии является ограниченность исходных посылок индуктивного умозаключения, обуславливающая неполноту и ненадежность индукции. Еще одним ограничением предстает временная фрагментарность эмпирической методологии. Социологическое исследование всегда дает лишь моментальный, фрагментарный портрет национального культурно-антропологического типа, который определяется его состоянием в конкретный период, но не показывает его динамики. Для преодоления этого ограничения используются методы мониторинга. Но как из нескольких отдельных фотографий нельзя сложить цельный фильм, так и из набора мониторинговых фото национального культурно-антропологического типа невозможно создать цельную концепцию его динамики.

Существенным ограничением эффективности эмпирической методологии является комплекс чисто технических проблем. Начнем с проблемы содержания используемых опросников. Это могут быть закрытые вопросы, где респонденты должны выбрать ответы из предложенных вариантов, или открытые вопросы, где респонденты сами должны сформулировать ответы. Закрытые вопросы легче в обработке, но загоняют респондентов в ограниченные рамки заданных вариантов. Открытые вопросы сложно обрабатывать по многим причинам, да и респонденты неохотно в них участвуют. Важной технической проблемой является проблема понимания. Ведь термины, используемые в опросах, могут быть поняты совершенно по-разному разными респондентами. А при открытых опросах проблема понимания становится еще более сложной, поскольку исследователю нередко трудно адекватно восстановить аутентичный смысл разнообразных авторских ответов опрашиваемых.

Существенным ограничением эмпирической методологии является то, что она занимается представлениями людей о культурно-антропологической самобытности,

а не непосредственным ее исследованием. Поэтому эмпирическая методология дает не объективный целостный портрет национального культурно-антропологического типа, а автопортрет, точнее, массу автопортретов, написанных непривычной и неумелой рукой респондентов. И чем больше респондентов, тем больше и безнадежнее фрагментарная мозаичность этих субъективных автопортретов. Ведь, «Прямая интерпретация показателей личности неоднозначна, так как они только частично базируются на реальных жизненных наблюдениях оцениваемого целевого субъекта. Вторая часть основана на концептуальном знании о личности в общем, которое все респонденты имеют, до любых фактических оценок» [1, с. 10].

В современном дискурсе темы российской культурно-антропологической идентичности в контексте социологических исследований довольно распространенным является самый простой метод открытого анкетного опроса. Иногда, этот опрос содержит прямые формулировки в виде предложения его участникам сформулировать свойственные русскому человеку черты личности или особенности национального характера. Так, М.И. Батгалова провела соответствующее анкетирование 400 человек и на его основе составила списки положительных и отрицательных качеств русского человека, по мнению опрошенных [2, с. 4–5]. Однако ценность полученных ею результатов весьма сомнительна и не только из-за ограниченности контингента опрошенных, но также вследствие отсутствия четких определений исследуемого предмета и описываемых его параметров.

Иногда российская культурно-антропологическая идентичность исследуется методами закрытых или полужкрытых социологических опросов, в которых респондентам предлагается выбор из уже заданных характеристик, косвенно отражающих особенности российского типа личности. В этом случае к произвольности ответов респондентов добавляется произвольность вопросов опрашиваемых, как и произвольность интерпретации исследователями полученных ответов. Примером подобного исследования является аналитический доклад «Российская идентичность в социологическом измерении», подготовленный Институтом социологии РАН на основе социологических опросов, проведенных в 1998 г., а затем в 2004 г. [19]. В данном случае при всех попытках исследователей обеспечить репрезентативность выборки респондентов, полученные результаты едва ли могут быть приняты как достаточно обоснованные теоретические обобщения.

С целью преодоления ограниченности эмпирической базы обобщений о российском культурно-антропологическом типе, естественно предложить ее расширение. Так, О.Ю. Дьяков рекомендует использовать для обобщений о российском культурно-антропологическом типе достаточно обширные Базы данных результатов социологических исследований, проводимых федеральными компаниями, в частности базу данных «Архивариус» ВЦИОМ, в которой размещены данные с 1992 г. [18, с. 124]. Только вот количественный прирост фрагментарных результатов социологических исследований, в которых отсутствует серьезная теоретическая проработка как концепта культурно-антропологической идентичности, так и эффективных методов его исследования, не решает проблемы сомнительной достоверности и самой возможности сколь-нибудь корректных обобщений о российской культурно-антропологической идентичности.

И.В. Грошев попытался реализовать другой подход к тайнам русской души, которые изучал с помощью Миннесотского опросника на выборке из 87 человек, жителей Тамбова. В итоге он получил список из 22 качеств русского характера [7]. Однако,

эмпирическая база полученных результатов настолько ничтожна, что полученные результаты весьма сомнительны.

А.П. Василевич, обсуждая способы эмпирического постижения российской культурно-антропологической идентичности, предлагает использовать метод полевых наблюдений за поведением людей. Но тут же сам его и дезавуирует, признавая, что при этом методе «Чаще всего авторы просто фиксируют свои впечатления об особенностях психологии того или иного народа» [4, с. 77]. Следует согласиться с общим замечанием А.Г. Миненко о том, что в целом эмпирический инструментарий можно использовать лишь как материал для теоретического анализа [13, с. 93].

Наиболее репрезентативным примером методологического направления эмпиризма являются масштабные многолетние исследования группы под руководством Ю. Левады, проводимые с 80-х и до 2000 г. в рамках проекта «Советский человек». В отличие от многих других фрагментарных социологических реконструкций российского культурно-антропологического типа, Левада понимает необходимость четкого прояснения концептуальной основы таких реконструкций: «Статистической обработке материала массовых опросов всегда явно или неявно предшествует какая-то содержательная типология признаков, выраженных в самом наборе предложенных оценок или суждений, шкал и т. д.» [11, с. 9].

Концептуальной основой концепции российской культурно-антропологической идентичности Ю. Левады является понятие «антропологический тип». Что же представляет из себя антропологический тип в интерпретации Левады? «Антропологический тип — характерный набор установок и ценностных ориентаций, когнитивных и поведенческих рамок человека как носителя, субстрата определенной системы социальных институтов» [20, с. 6]. Четкая формулировка концепта антропологического типа как теоретической основы социологической реконструкции российской культурно-антропологической идентичности является важным преимуществом методологии исследовательской группы Левады, но при переводе этого концепта на язык социологических исследовательских критериев возникает масса проблем.

Следует утонить, что исследование Ю. Левады основано не на абстрактном понятии «антропологического типа вообще», а на конкретном понятии советского человека как уникального российского антропологического типа человека [8, с. 22]. Основанные на концепте антропологического типа массовые социологические опросы, по замыслу Левады, должны фиксировать две группы параметров респондентов: первая, объективные (социальные статусные) параметры опрашиваемых: род занятий, место жительства, образование и т. д.; вторая, субъективные индикаторы: ценности, установки, нормативные рамки деятельности, комплексы общественного мнения [11, с. 10].

Конкретная эмпирическая методология Ю. Левады разделяет предмет исследования на три плана: символический, нормативный и прагматический. К символическому плану относится выявление средствами социологических измерений таких атрибутов общественного мнения, как стереотипы и символы, идеологические клише и ценностные комплексы, существующие в массовом сознании. Нормативный план связан с фиксацией этических правил и предписаний в контексте соотношения официально декларируемых и навязываемых властью гражданам норм и реальных норм и правил поведения массового советского человека. Прагматический план «...охватывает данные различного рода, касающиеся массовых свидетельств людей о своем собственном поведении или поведении других (потреблении, доходах, самочувствии, эмоциональном состоянии, мобильности и т. д.)» [8, с. 28].

Ю. Левада отдает себе отчет в основных трудностях своей эмпирической методологии, которые связаны, во-первых, с переводом концептуальных критериев антропологического типа на язык социологических опросников и, во-вторых, с интерпретацией полученных результатов. В связи с этими трудностями он допускает два способа социологической реконструкции антропологического типа: «от измерения индикаторов к содержанию обозначаемых ими явлений <...> и другие способы, идущие от содержательных социологических характеристик изучаемого предмета к их индикаторам» [11, с. 9]. Левада фиксирует и проблему неизбежной неполноты социологических исследований, но считает, что она решается путем репрезентативности социологических выборок: «Важно иметь ввиду принципиальную неполноту количественных показателей» [11, с. 9].

Очень важной особенностью эмпирической методологии группы Ю. Левады является ее социокультурная конкретность и временной динамизм. Советский человек рассматривается не как статический социологический портрет, а как исторически изменчивый культурно-антропологический тип в контексте модернизации, кризиса и распада социокультурной среды его существования — советского, тоталитарного общества. В систему пространственно-временных измерений Левады включаются несколько временных состояний: домодерное прошлое, особенности российской модернизации, постмодернизационное состояние [7, с. 10]. Важно, как замечает Дубин Б.В., то, что антропологическая конструкция «советского человека» самовоспроизводится и в постсоветское время [9, с.106].

Критика методологии проекта Ю. Левады

Одним из главных критических замечаний в отношении методологии Ю. Левады является указание практически всеми исследователями этой методологии на ее локальность. Теоретический концепт модернизации российского, советского общества и концепт «советского человека» как культурно-антропологического типа, соответствующего этому обществу, который часто не скрывает, а даже специально подчеркивает группа Левады, применим только к России. Противопоставление западного и российского культурно-антропологических типов, западной и российской моделей общества и его модернизации расценивается М. Габовичем как слабость эмпирической методологии группы Левады и как необоснованный концептуальный подход к проблеме российской культурно-антропологической идентичности. По его мнению, традиционное противопоставление российского и западного типа обществ возводится группой Левады в ранг «методологического принципа, объявляя — правда, с серьезными оговорками — подходы западных социальных наук неприменимыми к России» [6, с. 57].

Т. Ворожейкина также подвергает сомнению принцип уникальности советского общества и его модернизации. По ее мнению, «многие ключевые характеристики и процессы и, главное, их взаимообусловленность, которые в концепции Гудкова и Дубина выглядят как особенности социетального развития России, присутствуют в сегодняшней действительности и историческом опыте других стран: Турции, Китая и, в особенности, ведущих стран Латинской Америки (Мексика, Бразилия, Аргентина)» [5, с. 62]. Ворожейкина также утверждает, что принцип уникальности социокультурной системы и опыта модернизации российского общества делает неприменимыми к реконструкции российской культурно-антропологической идентичности западные модели модернизации общества и западные эмпирические и теоретические средства описания культурно-антропологического типа человека.

А.С. Титков, детально проанализировав влияние на методологию группы Левады структурного функционализма Т. Парсонса и понимающей социологии М. Вебера, приходит к выводу о не вполне адекватной адаптации этих западных концептуально-методологических подходов к исследованию советского человека и его динамики. При этом попытка перенести парсоновскую парадигму модернизации на российское общество ведет к ее существенной трансформации [8].

Продолжая и развивая тему локальности концептуальных основ и методологических средств группы Ю. Левады, критики отмечают общую концептуальную слабость концепции модернизации советского общества, основанной на антитезе России и Запада. М. Габович обнаруживает в антитезе России и Запада момент неявной идеологической, мировоззренческой идеализации сторонниками методологии Левады западного, «нормального общества» и западного культурно-антропологического типа и критики на основе этой идеализации советского культурно-антропологического типа. По мнению Габовича, эта неявная идеологическая антитеза основана на использовании социальных наук для критики своего, советского, российского общества. Однако, такое использование «ставит под вопрос статус «homo sovieticus» как «антропологического типа», имеющего универсальное теоретическое значение. К тому же такая социология, которая обращается в первую очередь к собственной стране, закономерно вызывает ограниченный интерес у иностранных коллег» [6, с. 58]. По поводу аргумента критиков о локальности методологии группы Ю. Левады стоит отметить, что уникальный предмет исследования требует адекватной, уникальной, адаптированной к нему методологии исследования.

Вторым существенным недостатком методологии группы Ю. Левады, по мнению критиков, является ее макросоциологизм [6, с. 54]. По поводу упреков исследовательской программы Левады в макросоциологизме можно сказать, что на самом деле — это не слабость программы, а ее сильная сторона, поскольку любое эмпирическое исследование явно или неявно опирается на конкретные общесоциологические категории и концепции. И эффективность эмпирических исследований российской культурно-антропологической идентичности определяется качеством их концептуально-теоретического базиса.

Третье и главное замечание критиков эмпирической методологии группы Ю. Левады состоит в том, что критический концепт «советского человека» предшествует эмпирическому исследованию и фактически предопределяет его результаты [6, с. 55]. Отсюда несогласование между этим концептом и эмпирическими результатами, адаптация эмпирических результатов и методов под заранее смоделированную проблематическую конструкцию. Результаты эмпирического исследования и сама его методология предзаданы до самого исследования.

М. Габович подвергает сомнению весь эмпирический базис обобщений группы Левады о советском человеке. «Метод, которому авторы ставят в заслугу «твердую» эмпирическую базу, оказывается именно как метод достаточно бедным, поскольку питается только из источника опросов общественного мнения» [6, с. 58–59].

А.С. Титков также критикует методологию Ю. Левады, подчеркивая, что ее возможности изначально парализованы неэффективным базовым концептом советского человека. Он замечает, что все эмпирические исследования группы Левады всегда приводят к одному результату: советскому человеку и не отражают реальной динамики российского культурно-антропологического типа [16, с. 57].

Подводя итог анализу эмпирической методологии группы Ю. Левады, отметим ее два главных ограничения. Во-первых, это ее акцентированный критический пафос по отношению к советскому человеку и советскому обществу. На самом деле построения Левады, несмотря на его стремления к научной объективности, не лишены идеологической предвзятости, критического отношения к советскому строю и советскому типу личности. Во-вторых, действительным ограничением эффективности данной методологии является недостаточная теоретическая проработка концептуальных основ эмпирических процедур исследования. Отсутствует базовая концепция социокультурной идентичности российского общества, а образ советского человека не вписан в контекст этой идентичности и в контекст исторической динамики российской социокультурной идентичности. Другими словами, теоретическая концепция советского общества и российской модернизации, выдержанная в духе критики советского тоталитаризма, является не вполне удачной теоретической основой эмпирической методологии Левады.

Возможно, более эффективным в данном случае мог бы стать другой эмпирический подход, основанный не на социологических опросах, а на методах эмпирического наблюдения за поведением некоторых типичных представителей современного российского общества. Примером такого подхода, реализованного на другом эмпирическом материале, является экокультурная психология, разработанная Дж.У. Берри. «Экокультурная модель обеспечивает широкую концептуальную структуру, в рамках которой можно исследовать сходства и различия в психологическом функционировании человека (как на индивидуальном, так и на групповом уровне), принимая во внимание два основных источника влияния (экологический и социополитический) и набор переменных, которые связывают это влияние с психологическими характеристиками» [3, с. 7]. Естественно, что при этом была бы необходима адаптация экокультурной модели и соответствующей методики исследования к специфике российского культурно-антропологического типа.

Заключение

Оставаясь в рамках строго эмпирической методологии реконструкции культурно-антропологической идентичности личности, невозможно эффективно разрешить целый ряд принципиальных проблем: соотношение теоретической модели и эмпирической реальности; трансляцию теоретического концепта в средства эмпирического социологического исследования и перевод эмпирических результатов в теоретический концепт; теоретическую и эмпирическую реконструкцию динамики исследуемого культурно-антропологического типа с точки зрения конкретного баланса его изменчивости и устойчивости, а также с точки зрения изменчивости средств теоретической реконструкции и эмпирического исследования культурно-антропологической идентичности.

Список литературы

Исследования

- 1 Аллик Ю. Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 2–18.
- 2 Батталова М.И. Специфика русского национального характера: взгляд изнутри (по материалам социологического исследования) // Человек в мире культуры. 2013. № 2. С. 3–6.

- 3 *Берри Дж.У.* Экокультурная психология // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15, №4. С. 4–16.
- 4 *Василевич А.П.* Откуда берется представление о национальном характере? // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 76–87.
- 5 *Ворожейкина Т.* Ценностные установки или границы метода? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. №4 (96). С. 62–69.
- 6 *Габович М.* К дискуссии о теоретическом наследии Юрия Левады // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. №4 (96). С. 50–61.
- 7 *Грошев И.В.* Экономические реформы России через призму русской ментальности // Социально-гуманитарные знания. 2000. №6. С. 25–47.
- 8 *Гудков Л.Д.* Проблемы социологии Юрия Левады // Мир России. Социология. Этнология. 2008. №3. С. 3–36.
- 9 *Дубин Б.В.* Позднесоветское общество в социологии Юрия Левады 1970 годов // Вестник общественного мнения. 2009. №4. С. 100–106.
- 10 *Лебедева Н.М.* Межкультурные отношения, идентичности, психологическое благополучие: посткоммунистический опыт // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17, №4. С. 4–6.
- 11 *Левада Ю.А.* Социальные типы переходного периода: попытка характеристики // Мониторинг. 1997. №2. С. 9–15.
- 12 *Маслов Д.В.* Советский человек в условиях реформ 1980–1990 гг.: теоретические вопросы изучения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. №4. С. 141–151.
- 13 *Миненко А.Г.* Русский национальный характер: основные подходы к исследованию // Идеи и идеалы. 2012. №3. С. 86–97.
- 14 *Радаев В.В.* Прощай, Советский простой человек! // Общественные науки и современность. 2018. №3. С. 51–65.
- 15 *Татарко А.Н., Чуйкина Н.В.* Взаимосвязь множественных идентичностей и социального капитала на постсоветском пространстве: межпоколенный анализ // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17, №4. С. 65–73.
- 16 *Титков А.С.* Призрак советского человека // Социология власти. 2019. Т. 31, №4. С. 53–94.
- 17 *Шляпников В.Н.* Взаимосвязь показателей состояния волевой регуляции и этнической идентичности // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15, №3. С. 83–90.

Источники

- 18 *Дьяков О.Ю.* Социологический анализ гражданской идентичности и патриотизма: опыт федеральных и региональных исследований // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2018. №2 (66). С. 123–128.
- 19 Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2007. 140 с.
- 20 Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / отв. ред. Ю.А. Левада. М.: Мировой океан, 1993. 300 с.

© 2024. Muchtar Ya. Yakhyaev
Makhachkala, Russia

© 2024. Andrey F. Polomoshnov
Persianovskiy vil., Russia

PROBLEMS OF RESEARCH OF THE RUSSIAN CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL IDENTITY

Abstract: The present paper analyzes the issues of theoretical reconstruction of the modern socio-cultural type based on the methodology of empiricism. The methodology of empiricism is based on studies of the modern cultural and anthropological identity of Russians by means of sociological research, while the logic of empirical inductive generalization serves as a general logic of the method of sociological reconstruction. Five groups of fundamental problems of this methodology are identified: the problem of the reality of the object under study, the problem of the dynamics of the object under study, the problem of effective means and methods for studying the real cultural and anthropological identity of Russians, the problem of the correlation of mass ideas (stereotypes) and the real qualities of the Russian cultural and anthropological type, technical problems of opinion polls. On the example of the experience of studying the portrait of a Soviet person by the Yu. Levada group, the authors demonstrate that the fundamental limitations of the empirical methodology for studying the cultural and anthropological identity of Russians cannot be overcome within the methodology of empiricism. Due to the limitations of the latter the paper proposes to supplement it with a general conceptual model of national cultural and anthropological identity, based on the principles of consistency, concreteness, determinism. The research substantiates that the empirical methodology does not deal with the immediate subject of research — the national cultural and anthropological identity, but with the respondents» mass ideas about this identity. As a result, empirical methodology does not provide an objective holistic portrait of a national cultural anthropological type, but only its sociological self-portrait. As the authors suggest, perhaps more effective in the study of Russian cultural and anthropological identity could be another empirical approach based not on sociological surveys, but on methods of empirical observation of the behavior of some typical representatives of modern Russian society.

Keywords: Cultural and Anthropological Identity, National Character, Sociocultural Personality Type, Soviet People, Russian Cultural and Anthropological Type, National Stereotypes.

Information about the authors:

Mukhtar Ya. Yakhyaev — DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Socio-Political Sciences, Dagestan State University, M. Gadzhieva St., 43A, 367000 Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2243-7222>

E-mail: muchtar59@mail.ru

Andrey F. Polomoshnov — DSc in Philosophy, Professor, Department of Economics, Philosophy and Social Disciplines, Don State Agrarian University, Krivoslykova St., 24, 346493 Settlement Persianovskiy, Oktyabrskiy Dist., Rostov Region, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1122>

E-mail: paf1@mail.ru

Received: February 21, 2023

Approved after reviewing: May 30, 2024

Date of publication: December 29, 2024

For citation: : Yakhyaev, M.Ya., Polomoshnov, A.F. “Problems of Research of the Russian Cultural and Anthropological Identity.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 74, 2024, pp. 22–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-74-22-34>

References

- 1 Allik, Yu. “Konstruirovaniye natsional'nogo kharaktera: svoystva lichnosti, pripisyvaemye tipichnomu russkomu” [“Construction of National Character: Personality Traits Attributed to the Typical Russian”]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, no. 2, 2009, pp. 2–18. (In Russ.)
- 2 Battalova, M.I. “Spetsifika russkogo natsional'nogo kharaktera: vzgliad iznutri (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia)” [“The Specifics of the Russian National Character: View from the Inside (Based on Sociological Research)”]. *Chelovek v mire kul'tury*, no. 2, 2013, pp. 3–6. (In Russ.)
- 3 Berri, Dzh.U. “Ekokul'turnaia psikhologiya” [“Ecocultural Psychology”]. *Kul'turno-istoricheskaya psi-khologiya*, vol. 15, no. 4, 2019, pp. 4–16. (In Russ.)
- 4 Vasilevich, A.P. “Otkuda beretsia predstavlenie o natsional'nom kharaktere?” [“Where does the Idea of National Character Come from?”]. *Questions of psycholinguistics*, no. 12, 2010, pp. 76–87. (In Russ.)
- 5 Vorozheykina, T. “Tsennostnye ustanovki ili granitsy metoda?” [“Values or Method Boundaries?”] *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii*, no. 4 (96), 2008, pp. 62–69. (In Russ.)
- 6 Gabovich, M. “K diskussii o teoreticheskom nasledii Iurii Levady” [“On the Discussion of the Theoretical Legacy of Yuri Levada”]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii*, no. 4 (96), 2008, pp. 50–61. (In Russ.)
- 7 Groshev, I.V. “Ekonomicheskie reformy Rossii cherez prizmu russkoi mental'nosti” [“Economic Reforms of Russia through the Prism of Russian Mentality”]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, no. 6, 2000, pp. 25–47. (In Russ.)
- 8 Gudkov, L.D. “Problemy sotsiologii Iurii Levady” [“Issues of Sociology of Yuri Levada”]. *Mir Rossii. Sotsio-logiya. Etnologiya*, no. 3, 2008, pp. 3–36. (In Russ.)
- 9 Dubin, B.V. “Pozdnesovetskoe obshchestvo v sotsiologii Iurii Levady 1970-kh godov” [“Late Soviet Society in the Sociology of Yuri Levada in the 1970s”]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no. 4, 2009, pp. 100–106. (In Russ.)
- 10 Lebedeva, N.M. “Mezhkul'turnye otnosheniia, identichnosti, psikhologicheskoe blagopoluchie: postkommunisticheskii opyt” [“Intercultural Relations, Identities, Psychological Well-Being: Post-Communist Experience”]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, vol. 17, no. 4, 2021, pp. 4–6. (In Russ.)
- 11 Levada, Yu. A. “Sotsial'nye tipy perekhodnogo perioda: popytka kharakteristiki” [“Social Types of Transition Period: Attempt at Characterization”]. *Monitoring*, no. 2, 1997, pp. 9–15. (In Russ.)

- 12 Maslov, D.V. “Sovetskii chelovek v usloviakh reform 1980–1990-kh gg.: teoreticheskie voprosy izucheniia” [“Soviet Man in the Conditions of Reforms of the 1980–1990s: Theoretical Issues of Study”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Series: Istoriya i politicheskiye nauki [History and political studies], no. 4, 2020, pp. 141–151. (In Russ.)
- 13 Minenko, A.G. “Russkii natsional'nyi kharakter: osnovnye podkhody k issledovaniiu” [“Russian National Character: Main Approaches to Research”]. *Idei i idealy*, no. 3, 2012, pp. 86–97. (In Russ.)
- 14 Radayev, V.V. “Proshchai, Sovetskii prostoi chelovek!” [“Farewell, Soviet Common Man!”]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, 2018, pp. 51–65. (In Russ.)
- 15 Tatarko, A.N., Chuykina, N.V. “Vzaimosviaz' mnozhestvennykh identichnostei i sotsial'nogo kapitala na postsovetском prostranstve: mezhpokolennyi analiz” [“The Relationship between Multiple Identities and Social Capital in the Post-Soviet Space: Intergenerational Analysis”]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, vol. 17, no. 4, 2021, pp. 65–73. (In Russ.)
- 16 Titkov, A.S. “Prizrak sovetskogo cheloveka” [“The Ghost of the Soviet Man”]. *Sotsiologiya vlasti*, vol. 31, no. 4, 2019, pp. 53–94. (In Russ.)
- 17 Shlyapnikov, V.N. “Vzaimosviaz' pokazatelei sostoianiia volevoi reguliatsii i etnicheskoi identichnosti” [“The Relationship between Indicators of the State of Volitional Regulation and Ethnic Identity”]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, vol. 15, no. 3, 2019, pp. 83–90. (In Russ.)
- 18 Dyakov, O.Yu. “Sotsiologicheskii analiz grazhdanskoi identichnosti i patriotizma: opyt federal'nykh i regional'nykh issledovaniy” [“Sociological Analysis of Civic Identity and Patriotism: Experience of Federal and Regional Studies”]. *Bulletin of the Astrakhan State Technical University*, no. 2 (66), 2018, pp. 123–128. (In Russ.)
- 19 *Rossiiskaia identichnost' v sotsiologicheskom izmerenii. Analiticheskii doklad* [Russian Identity in the Sociological Dimension. Analytical Report]. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007. 140 p. (In Russ.)
- 20 *Sovetskii prostoi chelovek: opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh*. [The Soviet Common Man: Experience of a Social Portrait at the Turn of the 90s], ed. Yu.A. Levada. Moscow, World Ocean Publ., 1993. 300 p. (In Russ.)